

ПЕРЕЙТИ ОКУ ПО ЛЬДУ...

За свой недолгий век Юрий Оноприенко написал 13 книг. Рассказчик, очеркист, прозаик... В Орле он запомнился многим и как автор каждодневных газетных строк, и как признанный писатель, запечатлевший время, город и его обитателей на страницах своих лиричных и тревожащих совесть произведений.

Он родился 10 мая 1954 года в селе Стригуны Борисовского района Белгородской области в учительской семье. Вырос и окончил восьмилетнюю школу в селе Меньилово Алексеевского района. В сентябре 1973 года после учёбы в Курском железнодорожном техникуме получил направление в Орёл. Начал трудовую деятельность слесаря локомотивного депо станции Орёл. Уже тогда активно печатался в газетах.

В направлении на учёбу в Воронежский университет (май 1974 г.) редактор «Московского железнодорожника» Валентин Филимонов писал об авторе: «За время работы в депо подготовил по своей инициативе много содержательных и разноплановых материалов: зарисовки «Локомотивный доктор», «По зову сердца», «Мои чумазы «работяги», «Как живёшь, мой дом?», множество информации и корреспонденций. Все они отличаются злободневностью, глубокой проработкой темы, видением главных качеств рабочего человека, оправданной оптимистичностью. Язык и стиль статей Оноприенко отличаются оригинальностью».

С сентября 1974 года Юрий Оноприенко — студент-заочник отделения журналистики. Воронежский университет стал настоящей огранкой самородка: ему открылись огромные миры русской и зарубежной литературы, лекции Б. В. Кривенко учили чувствовать живую природу языка, семинары М. И. Стюфляевой и Э. А. Худяковой помогли осваивать премудрости образности и журналистского мастерства, занятия у Л. Е. Кройчика погружали во вселенский карнавал сатирической публицистики, Г. В. Антюхин знакомил с могучими традициями старой журнальной и газетной школы.

Учился Оноприенко в основном на «хорошо», больше трети оценок составляли пятёрки, тройка только одна — по немецкому языку. Кстати, уже тогда проявился интерес к сатирическому жанру — дисциплинами специализации выбрал «Сатирическую журналистику XX века» и «Поэтику фельетона». И в эти же годы студент-заочник работал в Орле помощником машиниста, технологом ремонтного цеха, был корреспондентом «Московского железнодорожника», секретарём узлового комитета комсомола...

После пяти лет работы в депо его пригласили в штат «Орловской правды», в самый ответственный отдел — партийной жизни. Оставалось всего 12 лет до вступления в Союз писателей. Всё складывалось почти как у Андрея Платонова — от депо до университета, губернской

газеты и большой литературы...

Оноприенко был лёгок на подъём — бесконечные командировки. Если редакционный «уазик» занят, то рано утром подходил к главному подъезду Дома Советов и уезжал с первым встретившимся областным начальником на его «Волге» в район. Однажды таковым попугачком оказался секретарь обкома по сельскому хозяйству Егор Строев. Будучи уже губернатором и Председателем Совета Федерации, он часто с юмором вспоминал ту поездку по сёлам.

Четыре с половиной года (вторая половина 1980-х) мы работали в редакции в соседних кабинетах. Сколько было мимолётных встреч, творческих споров, дружеских напутствий! Он, уже автор изданных в Москве книг, рекомендовал меня в Союз журналистов и в коммунистическую партию.

Когда в августе 1991-го редакция взбунтовалась, как экипаж броненосца «Потёмкин», Оноприенко не «сошёл на берег» вслед за Владимиром Самариным и его единомышленниками. Ему всегда претила политика, его всегда влекло творчество. Отдел партийной жизни исчез, появилась информационно-репортёрская служба — ИРС, и это было увлечением маститого журналиста на протяжении нескольких последующих лет.

А ещё было увлечение футболом и... театральной самодеятельностью. В Доме писателей руководитель писательской организации Леонид Моисеев поставил «Остров сокровищ», где Оноприенко сыграл одного из пиратов. Драматург и юморист, недавний главный режиссёр Тургеневского театра, Моисеев был кумиром Оноприенко. «Юрич», как любя называл его Юрий, давал отповедь всем, кто тормозил вступление в Союз писателей молодого прозаика.

В редакции пошли навстречу писательскому статусу Оноприенко (в Союз писателей его приняли в 1992 г.) — назначили завотделом культуры. Впрочем, сам он из газетных должностей выше всего ценил звание простого корреспондента. Никогда не был и не стремился быть редактором или заместителем редактора газеты, хотя именно у него, пожалуй, получались самые опрятные (без ошибок, двусмысленностей) рукописи. Не любил быть литературным обозревателем, хотя рецензии на молодых авторов (не для печати) писал исключительно жёсткие. Относился к писательству как к святому делу, где нет места фальши и приспособленчеству, где надо быть предельно искренним и беспощадным как к себе самому, так и к коллегам по цеху.

ЧЕРНОВИК

Посвящается Юрию Оноприенко и Николаю Силаеву

Заброшу на балкон, как старую одежду,
Забывшие мечты, обиды и надежды —
С собой не унести и людям не оставить:
Писал как черновик, а вышло — не исправить...

А надо ль исправлять, как, стоя на коленках,
Я раздувал костёр в саду Оноприенко?
Как жарили грибы, а после пили водку
Под чудный летний дух и ясную погоду...

И наступала ночь, приятельница-муза,
А под её крылом молчанье — не обуза.
И можно помолчать буквально обо всём:
Писатель — о своём, художник — о своём...

А с ними даже я, газетчик-подмастерье,
Рад поразмыслить был о духе и материи.
И вот они ушли, примкнули к большинству.
До встречи, мужики, встречайте на мосту...

**Юрий Лебёдкин.
Апрель 2024 г.**

**Николай Силаев.
«Писатель Ю. А. Оноприенко».
2015 г.**

Многие вещи в газете подписывал (по старой, ещё доперестроечной привычке) не фамилией, а псевдонимами: О. Юрьев, Ю. Фильчаков (фамилия матери). Заметки эти разбросаны по тысячам газетных страниц. Его герои — народные мастера, писатели и журналисты прежних лет, легендарные спортсмены и актёры, коллекционеры, любители животных. Многие из них и годы спустя вспоминают диковинную манеру Оноприенко записывать содержание беседы: стандартный лист под его рукой вращался вле-

во-вправо, вверх ногами, на бумаге появлялись в разных углах обрывки строк и пометки, известные только самому автору значки. И из этого хаоса рождалась живая зарисовка...

Превыше всего Оноприенко ценил в людях талант и преданность своему призванию. Считал поистине святыми людьми сельских библиотекарей, художников клубов, учителей. И без устали рассказывал об этих героях глубинки читателям газеты.

Выступал в защиту провинциальных музеев, заброшенных

могил художников, спас от разрушения родной дом поэта Дмитрия Блинского, не на шутку бился за ремонт музея Бунина в Орле.

Как заправский окопный боец с передовой, сделал себе закуток в редакционном кабинете с любимыми картинами природы, книгами, плакатом «Писатели — лауреату литературных премий России», поделками из коряги...

Редакционная беспокойная жизнь всегда давала массу сюжетов и портретов, но она же, как кислота, вытраивала душу писателя. В нём так или иначе на-

растала ярость по отношению к осаждающим редакцию графоманам, псевдокраеведам, «критикам», способным только воспевать некие таланты друзей-приятелей. Ему хотелось хлёстко ответить, ударить, навсегда отбить охоту безобразничать со словом.

Не терпел паркетного красноречия, празднословия и пустословия. Вознёсшегося оратора (собрата по ремеслу) мог перебить в самый патетический момент. В то же время ценил солидарность писательского братства. Когда в конце 1990-х годов я попросил у него рекомендацию в Союз писателей, он, прежде всегда благоволивший, наотрез отказал: мы, мол, негласно условились воздерживаться сейчас от приёма новичков...

У него не было машины, чего-то из роскоши. Купил за бесценок заброшенный домик в дальней деревне у Оки. Так подгадывал дела и дежурства в «Орловской правде», чтобы выходные, включая пятницу и по возможности понедельник, провести там. Трамвай, электричка, потом час пешего хода — и вот оно, луговое раздолье!

Обзавёлся старым аэродромным бушлатом и вестительным рюкзаком. Освоил сначала миниатюрный радиоприёмник, а затем и диктофон. Лежал на ожившей от тепла печи, смотрел в оконце на звёздное небо и диктовал, диктовал. Многие

увиденное и прочувствованное там по весне и лету, в осенние вечера под шум прибрежных ракушек попало потом на страницы книг.

В этот домик он любил приезжать с друзьями. Художник Николай Силаев, коллега по «Орловской правде» Юрий Лебёдкин, а ещё музыкант и поэт, который объехал с концертами всю Америку, Виктор Садовский...

По меткому наблюдению писателя и литературного критика Алексея Шорохова, Оноприенко звал читателя «в дремный, меркотный, но всё ещё живой мир глухой русской деревни». Он не только в прозе, в любой газетной заметке оставался поэтом. В те окаянные годы написал несколько повестей о любви: «Одинокая сорока», «Птица счастья моя, несчастливая», «Несбыточный роман»... Проза документальна: в разговоре с орловскими читателями легко находились прототипы героинь — актрисы, художники, журналистки.

Его выделяли среди провинциалов, он входил в число самых публикуемых в столице немосковских авторов. Был лауреатом премии Союза журналистов России, дважды лауреатом журнала «Наш современник» (2005, 2009). Его рассказы перевели на китайский язык и включили в «Антологию современной русской прозы», вышедшую в Пекине (2006). Наградили медалью ордена «За заслуги перед Отечеством». Но особенно дорога ему была Всероссийская литературная премия имени Ивана Бунина (2004): в Бунине он видел образец для своей прозы.

Судьба свела нас вместе ещё на четыре года в «Орловской правде». Я был заместителем редактора, он вернулся в корреспонденции. Оноприенко писал вольно и широко. Вот навскидку темы его публикаций тех лет (2004, 2005...): о художественных сокровищах музея изобразительных искусств, о безбилетниках в электричках, об ошибках на мемориальных досках. Он выступил в защиту птиц, когда в панике по поводу птичьего гриппа рьяно бросились отстреливать перелётных птиц. Критиковал начавшуюся «оптимизацию» сельских библиотек, разбитые дороги в Орле и пересохишие водопроводы в глубинке. «Праздничное несварение» — так назвал свой комментарий о казённом подходе к праздникам (2006).

Парадокс: журналист Онопри-

енко не привлекал назойливых краеведов, к краеведческому увлечением других всегда относился скептически, но на закате работы в газете сам стал завзятым краеведом, признаваясь в любви к исхоженному вдоль и поперёк городу у слияния Оки и Орлика. Увлекательной серией «исторических» репортажей и очерков Оноприенко украсил страницы газеты, порадовал читателей, заставил их вспоминать Орёл своего детства, признаваясь в любви к исхоженному вдоль и поперёк городу у слияния Оки и Орлика. Увлекательной серией «исторических» репортажей и очерков Оноприенко украсил страницы газеты, порадовал читателей, заставил их вспоминать Орёл своего детства, признаваясь в любви к исхоженному вдоль и поперёк городу у слияния Оки и Орлика. Увлекательной серией «исторических» репортажей и очерков Оноприенко украсил страницы газеты, порадовал читателей, заставил их вспоминать Орёл своего детства, признаваясь в любви к исхоженному вдоль и поперёк городу у слияния Оки и Орлика.

...Мы жили в соседних домах — через квартал Курских улиц. Часто встречались на трамвайной остановке по пути на работу и с работы. Он был немногословен, противник сплетен и болтовни о внутриредакционной жизни, о бывших и нынешних коллегах. Даже в такие минуты пути по городу, как мне кажется, был погружен в свои будущие тексты...

Что ещё вспоминается? Его автографы на новых книгах — искренние, с грустинкой и надеждой на лучшее. Читаю эти незамысловатые дарственные надписи, и видится морозный солнечный день на излёте зимы. Мы идём из писательской организации домой. Путь с горки — прямо на трамвайную остановку. Но Юра не торопится на общую тропку в снегу, негромко спрашивает: «А ты этой зимой переходил Оку по льду?» Я пожимаю плечами, говорю, что нет. И он делится сокровенным: «А мне обязательно нужно хотя бы раз в году перейти речку именно так. Составишь компанию?» И мы идём на облицованной камнем набережной лазейку для спуска, шагаем среди занесённых снегом рыбацких лунок и ледяных торосов, прислушиваемся, нет ли треска под ногами. Наверное, так в детском детстве он, преодолевая мальчишеские страхи, скользил по гладки замёрзшей речки. Я не спрашиваю его об этом, просто наслаждаюсь незапланированным маленьким походом в отдалении от городской суеты в морозный, но солнечный полдень.

...Юрий Оноприенко умер в апреле 2020 года после долгой тяжёлой болезни. Накануне всю зиму в Орле было по-осеннему тепло; сонная Ока позабыла про ледостав, про тех, кто ждал морозов, чтобы пробраться по скрипящему насту с одного берега на другой...

Кто-то из мудрецов говорил, что поэту в этой жизни в сущности ничего не нужно. И одновременно ему нужно всё. Как воздух необходим даже этот сверкающий в полдень лёд на речном просторе. Чтобы новая строка была звонкой и чистой.

Алексей КОНДРАТЕНКО

КНИГИ ЮРИЯ ОНОПРИЕНКО

- Роса на шпалах:** повести, рассказы. — Тула, 1985.
- Рельсовая нить:** рассказы. — М., 1986.
- Имя на талом снегу:** роман. — М., 1991.
- Влажные глаза:** рассказы. — Орёл, 1992.
- Жёлтые времена:** роман. — Орёл, 1994.
- Маковка:** рассказы, новеллы. — Орёл, 1998.
- Сто чудных бед:** детские повести. — Орёл, 2000.
- Одинокая сорока:** рассказы, пьеса, повести. — Орёл, 2004.
- Чудак-человек:** фельетоны и обертонны. — Орёл, 2007.
- Горислава:** проза. — Орёл, 2012.
- Василёк, травинка здешняя:** повести, рассказы. — Орёл, 2015.
- Мальчик и вулкан:** повесть для подростков. — Орёл, 2019.
- Город умных лошадей:** роман. — Орёл, 2020.

